

Б Р Я Б И Н И Н
МОИ ДРУЗЬЯ

Ленин

Борис Рябинин

Мои друзья

Рябинин Б. С.

Мои друзья / Б. С. Рябинин —

В этой книге автор рассказывает о приключениях и испытаниях, выпавших на долю четвероногих героев – собак. На какие только подвиги не способны они! Вы узнаете, как собаки поднимались на снежные вершины Кавказских гор, участвовали в схватках с волками, охраняли колхозное добро, ловили преступника... Джери и Снукки не вымышлены, они существовали: в действительности, так же не вымышлены Топуш, Риппер и некоторые другие. Клички этих животных занесены в родословные книги лучших собак.

Содержание

ЛОПОУХИЙ ПИТОМЕЦ	5
МОИ ОТКРЫТИЯ	8
СЕМИНАР	11
ДЖЕРИ ПОДРАСТАЕТ	14
НЕМНОГО ФИЛОСОФИИ ПО ПОВОДУ ЗАНЯТИЯ СОБАКОВОДСТВОМ	18
БУДНИ «СОБАЧЬЕГО» КЛУБА	20
НА «ТИХОМ» ДЕЛЕ	22
ЖИВОЙ ЗАМОК. СЛУЧАЙ В КОМИССИОННОМ МАГАЗИНЕ	24
ТРАНСПОРТ С КАВКАЗА	27
НА СОБАКАХ ОТ УРАЛА ДО МОСКВЫ	30
ЧЕТВЕРОНОГИЕ ШКОЛЬНИКИ. ОШИБКА, ЕДВА НЕ СТАВШАЯ РОКОВОЙ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Борис Рябинин

Мои друзья

ЛОПОУХИЙ ПИТОМЕЦ

Надпись на воротах привлекла мое внимание:

Продаются доги-щенки

Размышляя, постоял минуту. Доги... Представилось что-то огромное, страшное, наподобие льва или тигра. Зайду посмотрю. Ведь еще в детстве мечтал приобрести собаку, обязательно большую – маленьких не признавал! – и обязательно щенком, чтобы и вырастить и выучить самому.

Постучал. В приоткрывшиеся ворота высунулась женская голова.

– Интересуетесь догом? Сейчас принесу щенка.

На дворе послышался басистый лай. Через минуту ворота вновь приоткрылись и я вошел во двор. На руках у женщины барахтался, нелепо растопырив костистые лапы, большой пучеглазый щенок. У ног хозяйки прыгал другой щенок, неуклюже подбрасывая свое тщедушное, с непомерно длинными конечностями тело.

– Худые какие... – нерешительно выговорил я.

– Растут же, – возразила женщина и нагнулась, чтобы спустить щенка на землю. – Пока расти не перестанет, все худой будет, хоть чем кормите!

Мне такое заявление показалось несколько противоречащим общепринятому представлению о влиянии пищи на рост и развитие, животного, но я не решился спорить и промолчал.

Щенки сейчас же принялись играть, пытаясь неловко забросить тяжелые лапы на спину друг другу. Один, не удержавшись, шлепнулся наземь и, перевернувшись на спину, болтал в воздухе всеми четырьмя лапами. Другой с притворной яростью бросался на лежащего, стараясь ущипнуть братца за розовое, чуть подернутое нежной шерсткой брюшко.

– Но они большие уже, – разочарованно заметил я, – а мне хотелось взять маленького.

– Да какие же большие? Что вы! Им и двух месяцев-то еще нет!

– Двух месяцев? – удивился я: щенки были по крайней мере со взрослого шпица. – Какие же они будут, когда подрастут?

– А я вам сейчас мать покажу, – предложила хозяйка. – Только стойте смирно, не шевелитесь.

Она приоткрыла дверь квартиры и крикнула:

– Сильва, ко мне!

За дверями послышалось громкое топанье, и во двор выпрыгнула огромная собака. Я невольно ахнул. Передо мной стоял великан дог с блестящей, будто напояженной, шерстью дымчато-пепельного цвета. По приказанию хозяйки собака покорно села около ее ног, расправив по земле свой длинный, гладкий и толстый, точно палка, хвост.

Массивная, угловатая голова дога заканчивалась на макушке маленькими, настороженно поставленными остроконечными ушами. Большие, слегка навывкате глаза были окаймлены ярко-красным ободком третьего века¹, что придавало злобное выражение холодному, безразличному взгляду. Я залюбовался собакой и тут же ощутил невольный трепет, мысленно представив себе, что может произойти, доведись встретиться с этим зверем один на один... Пощады не жди!

Но ведь этот грозный пес – зверь только для чужих; для своих же...

Желание иметь четвероногого друга вспыхнуло во мне с такой силой, что все сомнения исчезли разом. Я решил купить щенка. Когда хозяйка приблизилась ко мне, чтобы получить деньги, собака поднялась с места. Она была ростом с теленка и если бы встала на задние лапы, то могла бы положить передние мне на плечи.

Вечером я приехал за щенком.

Он, как и подобает двухмесячному младенцу, крепко спал у себя в конуре и, когда его выгасили оттуда, только моргал вытаращенными глазенками и зябко вздрагивал. Так, полусонный и вздрагивающий, с рук хозяйки, не противясь, он перешел ко мне. У трамвайной остановки пришлось долго ждать вагона, и я, присев на скамью, спрятал малыша под пальто. Немного испуганный темнотой, щенок робко заскулил, потом повозился, устраиваясь, как в гнезде, и, пригретый теплом моего тела, уснул. Спящего, я и привез его домой.

Но, когда я спустил его на пол, весь сон у него как рукой сняло, и малыш принялся за осмотр своих новых владений.

С первых же дней щенок поразил меня своим обжорством. Маленький, худенький, он целыми днями шнырял по квартире в поисках оброненного кусочка хлеба. Свой рацион он глотал мгновенно и тотчас бежал на кухню в надежде поживиться там еще чем-нибудь.

В квартире шел ремонт. Маляры красили окна, белили потолки и стены; повсюду стояли ведра с краской и известью. Стоило лишь на минуту оставить щенка без надзора, как уже слышишь – из соседней комнаты доносится громкое шлепанье, будто полощут белье на реке. Бежишь на этот звук и видишь – щенок, вытянувшись, лакает краску из ведра. Кричишь: «Нельзя!» – он повернет на окрик свою мордашку, измазанную синей или желтой краской, и недоуменно смотрит, как бы спрашивая: почему нельзя, когда так вкусно?

Но раз нельзя, значит, нельзя, – он подчиняется необходимости. А через несколько минут вся история повторяется сначала. Щенок опять в соседней комнате и опять лакает, только на этот раз уже олифу или, разведенную в воде известью...

Приходилось следить за каждым шагом, малыша.

Глупыш, за ним нужен глаз да глаз! Оставишь в комнате одного – обязательно напроказничает. Выпустишь во двор без присмотра – сейчас же раскопает что-нибудь на помойке. На помойку его тянуло, как магнитом. Возвращаясь домой, он обязательно оторвет в сенях капустный листик от кочанов, заготовленных на зиму, и утащит к себе.

А до чего же он был неуклюжий! Он с трудом таскал свое тщедушное тело с непомерно огромными конечностями, которые казались приделанными, часто спотыкался, падал; бегал

---

¹ Глаз собаки – имеет три века (одно внутреннее)

он почему-то боком, словно задние ноги опережали передние, а упав, долго дрыгал в воздухе лагами. Впрочем, это ни в какой мере не смущало его. Перекувырнувшись, он поднимался и снова лез, проявляя при этом поразительную настойчивость.

Мои знакомые, мало смыслившие в собаках, говорили мне, что мой питомец некрасив, что я напрасно взял его. Верно, он был неказист в ту пору. Но ведь именно из таких вот неуклюжих, головастых, смешных щенков и вырастают самые красивые и крупные собаки. Кости растут медленнее остальных тканей тела, и природа предусмотрительно дала моему щенку большую голову и длинные узловатые ноги. Пожалуй, самый хорошенький и пропорционально сложенный щенок у обыкновенной дворняжки: он такой «уютный», пушистый, как плюшевый мишка. Но во что он вырастает потом!

Конечно, нельзя возводить это правило в закон. Найдется немало пород, щенки которых пропорциональны чуть ли не от дня рождения; и все же закономерность несомненна: чем крупнее животное, тем нескладнее и беспомощнее оно в первый период жизни.

Как только щенок появился у нас, я отвел ему уголок в моей комнате, за кроватью. Туда положили специально сшитый матрасик. Малыш быстро освоился с местом, привык к нему и спать всегда ходил сюда, никогда не позволяя себе вольности вздремнуть где-нибудь на полу.

Часто приходится слышать от неопытных любителей, что щенок никак не хочет признавать свое место. Смущаться этим не следует. Нужно всякий раз, как ваш питомец задремлет, отнести его на подстилку, приговаривая: «Место, место...» И со временем малыш непременно привыкнет к нему.

Очень скоро мой дом щенок признал за свой дом и теперь тщательно оберегал его. При всяком подозрительном стуке или шуме ушки его, похожие на два полуопущенных лопушка, настороженно шевелились, а иногда он даже порывался неумело залаять.

МОИ ОТКРЫТИЯ

При покупке щенка прежняя хозяйка его вручила мне необходимые документы на собаку. Вначале я совсем было забыл о них, но как-то раз, случайно наткнувшись в ящике стола на незнакомые бумаги, заинтересовался и рассмотрел их более внимательно.

Тут были: бланк заявления собаководу, вступающего в организацию Осоавиахима², охранное свидетельство, карточка на выдачу продуктов для питания собаки с табелем отметок по дрессировке на обороте, свидетельство заводчика и жестяная круглая бляшка с номером. Понятно для меня было только последнее: собачий номер, все остальное ново и неожиданно³.

Из свидетельства заводчика я узнал, что моего дога зовут Дженераем, что он весьма «важен родом»: отец и мать – лучшие доги нашего города, дед – премированный победитель многих выставок, а прадед носил звание чемпиона СССР. Узнал я также, что Дженераль, или, как я коротко стал звать щенка, Джери, родился 25 июля 1933 года и его отец, дед и прадед вписаны в родословную книгу, во второй том.

Из бланка заявления я понял, что всякий владелец служебной собаки обязан зарегистрировать своего четвероногого друга в клубе служебного собаководства, а сам – вступить в члены этого клуба. Почему моя собака называется служебной, я в то время еще не знал.

Все это выглядело чрезвычайно торжественно и явилось для меня настоящим откровением. Я почувствовал себя вдруг человеком, которому привалила необыкновенная удача, а на своего лопухого воспитанника стал поглядывать с таким уважением, словно это был уже не щенок, а существо, способное говорить и мыслить. Еще бы: рождение собаки регистрируется с точностью до одного дня; о ней ведутся родословные записи, выдаются документы, из которых явствует, что она пользуется покровительством закона; увечье или убийство ее карается со всею строгостью, а виновные отвечают по суду. Есть от чего прийти в изумление не осведомленному в этих делах человеку!

Особенно заинтересовало меня то обстоятельство, что я должен сам стать членом клуба служебного собаководства – организации, о существовании которой еще совсем недавно я даже не подозревал. В бланке был указан и адрес: Дом обороны.

В ближайший свободный день я отправился на поиски клуба. Он помещался на одной из центральных улиц города, и скоро я оказался перед дверью, на которой висела табличка с надписью:

НАЧАЛЬНИК КЛУБА СЛУЖЕБНОГО СОБАКОВОДСТВА

Меня встретил мужчина с выправкой военного. Пока он беседовал с другим посетителем, я успел осмотреться.

Кабинет напоминал учебный класс. По стенам были развешаны фотографии собак, учебные таблицы, схемы, плакаты, на которых без конца и в самых разнообразных видах изображался все тот же четвероногий друг человека – собака.

Освободившись, начальник пригласил меня к столу. Выслушав мои несколько путанные объяснения (толком-то я еще всего не понимал), он вежливо улыбнулся.

– Что ж, новый член клуба, значит? Очень хорошо. Только нужно будет ликвидировать свою неграмотность и начать работать с собакой.

Я удивленно смотрел на него.

---

² Ныне ДОСААФ СССР – Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту

³ Позднее я узнал, что без этих документов ни одна собака, как бы хороша она ни была, не получит приза на выставке. В случае гибели животного все документы подлежат в обязательном порядке возврату в клуб

– Кинологическую неграмотность, – пояснил он, делая ударение на слове «кинологическую». – Собаководческую, стало быть. А то как же вы будете воспитывать собаку, дрессировать ее, если сами не знаете даже азов?

– Так и дрессировать самому?! – воскликнул я.

– Ну конечно. Обязательно самому! В этом система нашей работы. Человек учится сам и учит свою собаку. В ближайшее время мы организуем новую группу-семинар для любителей-собаководов. Два раза в неделю они будут собираться и изучать все, что касается служебного собаководства, в рамках необходимого, естественно. В эту группу я включу и вас.

Час от часу не легче! Придется терять два вечера в неделю! Оставалось утешать себя тем, что, может быть, хоть собаку выращу хорошую.

– Это обязательно? – все же попытался я найти для себя лазейку.

– Безусловно! – категорически ответил начальник. – Сколько времени вашему щенку? Три месяца? Нужно будет посмотреть на него.

Я пообещал назавтра прийти с Джери.

– А уши купировали уже? – спросил он. – Нет?

По моему лицу он догадался, что я не понимаю вопроса.

– Разве вы не знаете? Догу нужно уши подрезать, чтобы придать им остроконечную форму и стоячее положение. Видали, какие уши у взрослых догов? И чем раньше вы это делаете, тем лучше. А то с возрастом хрящи затвердевают, и операция будет мучительной.

Это было уже слишком. Семинар, дрессировка, уши резать... Не хватало еще, чтобы предложили щенка в люльке качать!

Я не выдержал и сказал об этом начальнику. Он рассмеялся.

– Ну, в люльке вам его качать не придется, даже наоборот, мы против изнеженных собак. Изнежить собаку очень легко, потом сам не рад будешь. Я знавал одного любителя, который, ложась спать, закрывал своего пойнтера одеялом. Когда среди ночи одеяло сползло, собака принималась визжать, и хозяину приходилось вставать и снова укрывать ее. Хорошего мало! Собака должна быть крепкой, выносливой, мужественной, надежной в любых условиях. Она должна оберегать сон своего хозяина, а не наоборот. Неженки нам не нужны. Вот приведите завтра своего питомца, посмотрим, что потребуется для его воспитания. А на семинар вам просто необходимо записаться. Не пожалеете!

Сколько раз я потом вспоминал этот разговор с начальником и настойчивость, с какой он предлагал мне заняться в семинаре. Как еще часто неопытные любители, взяв щенка, под всякими предлогами уклоняются от занятий в клубе, не ходят на дрессировочную площадку и как часто сами же бывают наказаны за это! Из-за лени хозяев вырастает плохая собака, непослушная, невоспитанная, не умеющая ни сесть по команде, ни лечь, не признающая над собой ничьей власти, или, наоборот, забитая, потерявшая всю живость и резвость, которые так радуют в здоровом животном. Собаке требуется воспитание, нужно уделить время для занятий с ней, – потом все окупится сторицей. Эту истину начальник сумел внушить мне при первой же встрече.

На другой день я привел Джери в клуб.

Сергей Александрович – так звали начальника клуба – долго осматривал его со всех сторон, приглядываясь и так и этак, осторожно шупал, заглянул в пасть посмотрел зубы и, наконец, поздравил меня с удачным щенком.

– Хотя приобретение ваше случайное, – сказал он, – но вполне удачное. Сильва – хорошая производительница, мы ее знаем. Обычно для покупки породистого щенка служебной породы сначала обращаются к нам, а мы уже даем рекомендацию, кого и где купить.

От его слов с моей души точно камень свалился. Я все боялся: а вдруг он скажет, что щенок плох! Опасения оказались напрасными, и теперь можно было смело приступать к воспитанию щенка.

Домой я возвратился радостно-возбужденный, гордый от сознания, что у меня такой хороший пес. Но через несколько дней приуныл. Щенок отказывался признать мой авторитет и не слушался меня.

Прежде всего, он не соблюдал требования чистоты и свои естественные надобности удовлетворял где придется. Я пробовал кричать на него. Щенок пугался, припадал к полу, виляя хвостиком, и, вытаращив глазенки, смотрел невинно и преданно, а через несколько минут повторял свой проступок.

В конце концов, вспомнив совет Сергея Александровича внимательно присматриваться к поведению щенка, я стал делать так: заметив, что мой пес начинает кружиться на месте, вынюхивать пол (обычно это наблюдалось сразу же после еды), я тотчас подхватывал его под брюшко и тащил во двор. Как я убедился впоследствии, это был единственно правильный способ отучить его пачкать дома. Я умышленно останавливаюсь на этом, поскольку первое, с чем сталкивается любитель, – это приучение щенка к чистоплотности.

Через несколько дней малыш стал сам бегать к двери, однако, добежав до порога, не ждал больше ни секунды.

В сердцах я несколько раз больно прибил его, о чем впоследствии много жалел. Ничего не помогало. Щенок проявлял совершенно непонятное для меня упрямство и неспособность держать себя «прилично», как подобает благовоспитанной комнатной собаке. Редко мне удавалось успеть выпустить его во двор.

Мои родные неодобрительно качали головой. Что делать? Я снова пошел в клуб, захватив с собой Джери.

Сергей Александрович улыбнулся, услышав мои сомнения.

– Ну, вот уж это-то совсем пустяки! И беспокойство ваше напрасно. Бить щенка ни в коем случае не следует. Пройдет месяц-два, и он сам отучится от своего неряшества, поверьте слову. Просто он еще слишком мал, чтобы выполнить ваше требование. Подрастет ваш питомец, окрепнет, и все наладится. Все будет хорошо. Вот только...

Лицо начальника сделалось серьезным. Он еще раз осмотрел Джери и внушительно добавил:

– Рахит. Видите? – показал он на передние лапы щенка, заметно утолщенные в суставах. – Да вы не пугайтесь, – поспешил он успокоить меня. – К сожалению, это дело весьма обычное в городских условиях, тем более для щенка-дога, но, к счастью, вполне исправимое, если вовремя обратить на это внимание. Собака крупная, костяк массивный, для правильного формирования организма необходимы обильная мясо-костная пища и побольше движения. А наши собаки, в условиях большого города, зачастую лишены нормальной свободы движения. Давайте щенку костей и гуляйте как можно больше. Кроме того, рыбий жир. Не забывайте про рыбий жир. Весной и летом под влиянием солнечных лучей организм сам вырабатывает антирахитный витамин «Д», и тогда рыбий жир не обязателен. Осенью же и зимой его надо давать непременно. Ничего, ничего! – утешал он меня, видя мое озабоченное лицо. – Вырастет хороший пес и преданный друг. Не пожалеете, что потрудились над ним. Собака возвратит вам все с процентами. В огонь за вами пойдет, а уж в воду – так и не удержите! Сама побежит, да еще и вас за собой утянет! – пошутил он.

СЕМИНАР

– Собаководство – это часть общего животноводства. Может быть, это незаметный участок, однако он важен так же, как и другие.

Так начал Сергей Александрович свою первую лекцию на семинаре. Человек сорок – молодых, старых, юношей и девушек – слушали его.

– Я приведу один пример. Построили завод, большое социалистическое предприятие, в которое вложили народные деньги. Его нужно охранять. У нас еще много врагов, они пытаются вредить нам. И вот здесь нам может оказаться полезной служебная собака. Хорошо тренированная собака – безупречный сторож. Это только один пример, а подобных примеров можно привести много. И я прошу товарищей отрешиться от взгляда, что собаководство – это занятие скуки ради. Собаководство – общественно полезное дело, и это вы всегда должны иметь в виду.

Сергей Александрович встал и подошел к карте. Мы внимательно следили за ним.

– Советский Союз, – продолжал Сергей Александрович, – располагает лучшими в мире собаками. Посмотрите, вот здесь, – он провел рукой от Карелии до Камчатки, – на обширных пространствах нашей страны живет северная остроухая собака – лайка, умница и работница, которой может законно гордиться наше отечественное собаководство. Англичане в годы интервенции целыми партиями вывозили лаек к себе на острова. Они стремились вывезти лучших производителей. Лайка ходит на медведя, она хорошая оленегонная, пастушья собака, совершенно незаменима она в условиях Крайнего Севера и как средство транспорта. Где не живет ни одно домашнее животное, там превосходно чувствует себя лайка.

Теперь посмотрите сюда, на Юг. Здесь – кавказская овчарка, великолепное грозное животное; ее род имеет тысячелетнюю историю; южнорусская, или украинская, овчарка – сторож меринных овец. В Азии – туркменская, или среднеазиатская, овчарка, мало чем уступающая кавказской; ею не нахвалятся наши пограничники. В городах живут окультуренные собаки: немецкие овчарки, доберман-пинчеры, эрдельтерьеры, доги.

Что привлекает человека в собаке? Прежде всего, конечно, ее преданность, верность.

Сергей Александрович сделал небольшую паузу, и вдруг:

– Джери, ко мне! – зычным голосом скомандовал он. От неожиданности я вздрогнул: мне показалось, что он зовет моего Джери.

Из-за стола выскочила большая черная овчарка, блестящая, как уголь; она, оказывается, с самого начала лежала за его стулом. Это была одна из лучших овчарок клуба Джери-черная, за которой начальник сам ездил в Москву.

– Посмотрите на нее, – говорил наш лектор, поглаживая собаку, которая ласкалась к нему, размахивая своим пушистым саблевидным хвостом. – Посмотрите, она вся дрожит от радостного возбуждения, ее глаза сверкают, хвост, точно заводной, безостановочно ходит туда-сюда. Эта радость такая искренняя, такая подкупающая, что рука сама тянется погладить верное животное! Посмотрите на нее, – повторял Сергей Александрович, хотя сорок пар глаз и так не отрывались от овчарки. – То игривая и ласковая, замирающая под прикосновением руки хозяина, то грозная, полная яростной злобы и готовности ринуться в смертный бой, – такова собака, верный друг человека. Она не способна выражать свои чувства, как мы с вами, словами, и тем не менее ее желания могут быть вполне понятны нам, она очень активно проявляет свое отношение ко всему окружающему, и в первую очередь к вам, ее хозяину и воспитателю. Посмотрите, как она довольна, когда вы начинаете заниматься с ней... Джеринька, что мы покажем с тобой? Сидеть! – внезапно меняя интонацию голоса, приказал начальник.

И собака послушно села, перестала вилять хвостом и вся обратилась во внимание и слух. Мы для нее точно не существовали.

– Лежать!

Собака легла, готовая, однако, каждую секунду вскочить.

– Голос! Джери залаяла,

– Хорошо! – подбодрил ее Сергей Александрович. Таким образом он показал нам еще ряд приемов.

Это были простейшие приемы дрессировки, но так как тут присутствовали начинающие любители, то это произвело на всех сильное впечатление.

Впрочем, нельзя было не любоваться четкостью, с какой собака исполняла все приказания, и тем контактом, который проявился при этом между человеком и животным.

Сергей Александрович отослал овчарку на место, и она снова спряталась за его стулом.

– Из всех домашних животных, – продолжал он, – собака больше других может знать желания и привычки своего хозяина, нередко изумляя окружающих своей понятливостью. Собака способна на самостоятельные действия. Отыскивая дичь в лесу, идя по следу преступника, защищая хозяина, она действует самостоятельно. Я подчеркиваю это слово – самостоятельно, ибо, хотя все это собака познает путем дрессировки, но потом она уже действует во многих случаях, не дожидаясь наших указаний, руководствуясь своими, никогда не обманывающими ее инстинктами и условными рефлексам, – почти как разумное существо... пусть простят меня некоторые скептики и биологи-педанты! В этом, я бы сказал, – превосходство и отличие собаки от других домашних животных. Ни одно четвероногое не способно выполнить то, что может сделать собака. Недаром Павлов назвал ее исключительным животным!

Объяснение этому замечательному явлению мы должны искать в том, что собака первая из диких зверей пришла к нам из первобытной чащи.

Человек приручил собаку в глубокой древности, как предполагают, в эпоху, которую называют мезолитом, то есть примерно 10—15 тысяч лет назад.

По внешнему виду она напоминала тогда современную лайку.

С тех далеких пор и по наши дни собака безотказно служит нам. Она ходит с хозяином на охоту, охраняет его стада, его жилище, лаем дает ему знать о приближении врагов и вообще чужих людей. Издавна используется она и в военных целях.

Свирепые боевые псы содержались в войсках Ганнибала и Александра Македонского. Их специально тренировали для борьбы с вооруженным человеком, травили, морили голодом, чтоб сделать злее.

Эти четвероногие бойцы могли нагнать ужас на кого угодно. Они сражались не только против пешего противника, но, вскакывая на седло, представляли опасность и для конника.

В битве собаки охраняли колесницы полководцев... Державные властители прошлого любили окружать себя четвероногими телохранителями. Такой слуга не изменит, не поднесет яду, не поразит внезапным ударом кинжала во время сна...

Очень широко использовались собаки и в древнем Риме.

Там они караулили рабов и военнопленных. Они вступали и в непосредственные схватки с врагом. При раскопках Геркуланума найден барельеф, на котором изображена мощная собака в доспехах, защищающих ее от ударов копий, обороняющая римский пост от вторгающихся варваров. По сути, это была первая пограничная собака.

С развитием военной техники, казалось, роль собаки-бойца окончилась, и навсегда, но вышло не так. С конца прошлого века собаки начали вновь появляться в армиях различных государств.

В войнах на Балканах русские войска первые успешно применили пастушьих собак для охраны на аванпостах. Зачув турок, овчарки принимались лаять и поднимали тревогу.

В первую мировую войну использовались различные специальности собак: связная, санитарная, розыскная, караульная, сторожевая.

Собака оказалась очень полезной и в мирное время.

Особенно широкое использование нашла служебная собака. Она – незаменимый пастух колхозного и совхозного стада, сторож, охраняющий колхозный амбар с хлебом, почтальон, дежурный на водной станции, поводырь слепого.

Наше собаководство – самое массовое в мире. Любители, объединяемые клубами служебного собаководства, специальные школы-питомники, принадлежащие государству, готовят животных к мирной работе, а также и на случай военной опасности.

Вспомните северные окраины нашей необъятной родины. Там есть районы, где собачья упряжка является единственным видом наземного транспорта. А пограничные собаки, несущие вместе с доблестными пограничниками охрану наших рубежей! Среди этих собак много таких, которые помогли своим вожатым задержать немало нарушителей границы – диверсантов, разведчиков.

Большинство наших культурных животных, вероятно, уже не смогли бы вернуться к тому образу жизни, какой вели его далекие предки. Так, собака в значительной степени утратила способность сама добывать себе пищу – ловить диких зверей и птиц; в жестокой борьбе с более крупными хищниками отстаивать свое существование. Но зато она приобрела необыкновенную привязанность к человеку: она служит ему, исполняет его желания.

Собака – ваш друг, всегда помните об этом; а друзей не бьют, не истязают, не срывают на них свое дурное расположение духа. Запомните, повторяю, это. Иначе вам не раз придется горько раскаяться в своих ошибках.

Сергей Александрович сделал паузу и внимательно оглядел слушателей:

– Я говорил о том, что собаку необходимо учить. Не подумайте, что это возложит на вас тяжелое бремя и ваша собака превратится для вас в обузу. Прежде всего она будет служить непосредственно вам, а занимаясь с нею, вы лишь сделаете ее более ценной, более полезной для себя, ее хозяина. Да вы в этом скоро убедитесь сами!

ДЖЕРИ ПОДРАСТАЕТ

Вечерами я ходил на семинар в клуб, а дома, в свободное время, пытался применить приобретенные знания к своему юному четвероногому товарищу – Джери. Регулярно дрессировать щенка еще было рано, но кое-чему учить можно.

Щенок освоился со своей кличкой, привык к ошейнику и уже не рвался как бешеный, когда я брал его на поводок.

Пришлось ему претерпеть и купирование ушей. Операцию производил знакомый мне хирург. Тщательно вымерив уши моего дога, он захватил их специальными зажимами и отрезал треугольные, так умилявшие меня лопушки.

Щенок громко выл и стонал и так рвался из рук, что мы втроем едва удерживали его на столе. Операция длилась около получаса. Уши заштопали шелковой ниткой, прижгли йодом и тогда изувеченного малыша отпустили.

Операция произвела на меня и всех домашних гнетущее впечатление, и я тогда дал себе обещание больше никогда не повторять ее, обещание, которое, вероятно, теперь не сдержал бы, ибо форма требует своего. А остроконечные, стоячие уши для дога – это форма.

Измученный малыш, измазанный йодом и собственной кровью, поскулил немного, а потом полез ко мне на колени, ища у меня забвения от перенесенной боли и испуга.

Чем старше становился Джери, тем больше сообразительности он проявлял. Регулярная дрессировка еще не началась, но несколько приемов мой питомец выучил очень легко во время игры.

Как-то раз на прогулке, когда он весело скакал и резвился около меня, я швырнул в сторону палку. Шалун тотчас стремглав помчался за ней вдогонку, схватил зубами и принялся бегать с «поноской». Я подозвал его, усадил подле себя и, приказывая: «Дай!», осторожно высвободил палку из пасти. Потом, приговаривая: «Хорошо, Джери, хорошо!», угостил его кусочком сахара (лакомство, всегда лежало у меня в кармане). Затем с командой: «Апорт!» – я швырнул палку еще раз – щенок вновь ринулся за ней.

Так было проделано пять раз. На шестой щенок бежать отказался – надоело.

Я не настаивал. Но на следующий день повторил все сначала. Все мои приказания щенок выполнил хорошо. По команде «Апорт!», что означало «принеси, подай», он пулей мчался к тому месту, где падала палка, разыскивал ее и так же стремительно бежал назад, держа ее в зубах.

Раз, когда Джери был особенно послушен и исполнительен, я попытался научить его сидеть.

Настойчиво повторяя: «Сидеть, Джери, сидеть!», я, как показывал нам Сергей Александрович, нажимал левой рукой на круп щенка. Джери попытался высвободиться, но моя правая рука крепко держала его за ошейник. Испуганно сжавшись, щенок сел. Я сейчас же подбодрил его: «Хорошо, хорошо, Джери!» – и дал кусочек лакомства.

Однако, едва я отнял руку от спины Джери, он поспешно вскочил. Я силой посадил его вновь. Опять дал лакомства, приговаривая: «Хорошо, Джери, хорошо сидеть!» И так несколько раз, неторопливо, но настойчиво и спокойно, отнюдь не пугая щенка.

Назавтра мы повторили упражнение. Четвероногий ученик был спокойнее, чем накануне. Он не вырывался и как будто старался понять, в чем тут дело, чего хочет от него хозяин. Смотрел мне в глаза и внимательно вслушивался в слово «сидеть». А еще через день Джери садился по одной команде.

Научить его «лежать» оказалось уже значительно легче. Посадив щенка, я беру правой рукой концы его передних лап и стараюсь оттянуть их вперед. Тело Джери принимает лежащее положение. Чтобы щенок не вырвался, я слегка придерживаю его левой рукой за спину

и настойчиво говорю: «Лежать, хорошо лежать!» После пяти-шести повторений ежедневно в течение трех-четырех дней Джери знал и этот прием.

В общем, команды «Сидеть!» и «Лежать!», которые еще недавно приводили меня в восхищение и вызвали тайную зависть, когда я видел, как их выполняют другие собаки, мой Джери усвоил без особых усилий, легко и быстро. За каждое послушное исполнение приказа он получал вознаграждение – кусочек лакомства, который глотал с поразительной жадностью. Позднее я убедился, что «заработанные» таким образом Куски собака всегда глотает с большей жадностью, чем полученные «просто так».

Джери прекрасно дрессировался даже на черный хлеб. И в дальнейшем вся дрессировка была пройдена с ним на хлеб, а нередко и на черствую корку. Повышенный пищевой инстинкт Джери сослужил мне в этом случае хорошую службу.

Не следует думать, что если собака не жадна, то она будет плохо дрессироваться. Можно отлично выучить любую собаку. Нужны лишь терпение и настойчивость; ни в коем случае нельзя бить животное во время дрессировки. Щенок полюбит занятия и раз от раза станет все послушнее, все восприимчивее.

Иногда мне случалось наблюдать такую странность: занимаешься с собакой, мучаешься – ни в какую! Пес тебя не понимает. Бросаешь занятия. На следующий день пробуешь вновь, с тревогой спрашивая себя, неужели повторится вчерашнее, и – о, удивление! – собака выполняет все с первого слова или жеста: садится, ложится, дает голос без какого-либо принуждения или усилий с моей стороны.

Если занятия с собакой проходят плохо, не надо настаивать, – лучше на пять-шесть дней оставить ее в покое. Вы убедитесь, что после этого собака будет заниматься куда успешнее. Это так называемое «явление перелома», оно носит временный характер.

С некоторых пор я стал замечать, что мой Джери тотчас после обеда уходит во двор и возвращается оттуда в странном виде: шерсть на морде в земле, нос густо вымазан в глине, а сквозь нее проступают капельки крови. Что за штука? Заинтересовавшись, я решил выследить щенка.

Выпустив его однажды, как обычно, во двор, я заметил, что он сразу же направился в дальний угол. Там мой Джери быстро вырыл лапой небольшую ямку, а затем принялся усердно забрасывать ее землей, работая носом, как лопатой. Когда я подошел к нему, щенок с виноватым видом стал ласкаться ко мне. Расковыряв щепкой разрыхленную землю, я обнаружил в ямке... ломоть черного хлеба. Ковырнул глубже и рядом обнаружил еще несколько уже полу-сгнивших кусков, зарытых, видимо, давно. Были тут и полуобглоданная кость, и рыбий хвост, и голова селедки. Настоящее кладбище обеденных остатков!

Очевидно, мой запасливый пес остатки пищи забирал в пасть и относил в свой тайник. А так как в пасти его мог свободно поместиться кусок величиной с ладонь, то долгое время эти проделки оставались незамеченными и Джери успел скопить в своей кладовой кое-что «на черный день».

Этим дело не кончилось. Через несколько дней я заметил, что куски, валявшиеся у разоренного тайника, исчезли. Пес успел подыскать новое укромное местечко и перенес их туда.

Кроме основного пищевого рациона, щенок получал много костей. Иногда он не справлялся с ними, и тогда, устав от многочасовой грызни костей, загребал остатки под подстилку, а сверху ложился сам. Таким образом он также скопил порядочный запас, и, когда я однажды взял эти кости у него, он долго выпрашивал их обратно, повсюду следуя за мной и просительно заглядывая в глаза.

Первые месяцы я кормил Джери шесть раз в сутки, потом пять, потом четыре. К полугоду он стал есть три раза в сутки, а после полугода был переведен на режим взрослой собаки – два раза в сутки: в девять часов утра и в пять часов вечера.

Пищу своему воспитаннику всегда старался давать свежую и самую разнообразную: хлеб, разные каши, мясное варено.

Я знал, что кости ни в коем случае не должны заменять пищу. При излишнем кормлении костями у собаки нарушится пищеварение, ее может тошнить (в желудке залеживаются переваренные остатки костей).

Не злоупотреблял и хлебом: во-первых, собака плотоядное животное, а поэтому в рационе обязательно должно быть мясо, мясные продукты; во-вторых, при пичканье хлебом собака вырастет рыхлой, или, как мы говорим, «сырой».

Количество пищи должно быть такое, чтобы пес и не переел чрезмерно, не раздувался, как шар, и чтобы он не худел, не оставался впроголодь.

От многих владельцев собак мне часто приходилось слышать, что они избегают давать своим питомцам рыбу из опасения, как бы собака не подавилась острыми рыбьими костями. Вначале поступал так и я. Но потом; один старый собаковод посоветовал мне:

– Рыба – прекрасная пища! И не бойтесь давать ее своей собаке. Не беспокойтесь, не подавится. На далеком Севере лайкам дают исключительно одну рыбу, а ведь живут и не умирают.

Я послушался его и никогда не раскаивался. Джери поедал рыбу очень охотно. Один раз, правда, он сильно укололся, но зато после этого стал осторожен и умело уничтожал все, вплоть до реберных костей.

Как средство против рахита я подбавлял в корм рыбий жир, по одной столовой ложке ежедневно.

Ел Джери очень много и, несмотря на обильный и питательный рацион, вечно чувствовал себя голодным, вечно шнырял в поисках лишнего куска. Невозможно было гулять с ним по городу без того, чтобы какая-нибудь сердобольная старушка укоризненно не проворчала в мою сторону: «Вишь, собаку завел, а кормить скупится. Бедная, еле ноги таскает с голодухи».

Щенок в самом деле еле таскал ноги. В первые месяцы животное растет прежде всего в высоту, а уж позже оно раздается в ширину, нарастают и укрепляются мускулы, вообще происходит окончательное формирование организма. Потому мой Джери все тянулся и тянулся кверху, а силенки по-прежнему было немного.

Помню, мы возвращались с прогулки, когда щенок решил показать свою прыть. Он побежал к дверям квартиры, резво прыгнул на крыльцо и, не преодолев этой высоты, споткнулся, ударился челюстью о ступени так, что лязгнули зубы, и свалился наземь. Плохо еще носили его ноги в то время!

Гулял Джери очень много. Памятуя наказ Сергея Александровича, я не жалел времени на прогулки. Да они были очень интересны, эти прогулки!

Почти ежедневно наблюдалось что-нибудь новое в поведении щенка. Сегодня он облаял прохожего, когда тот поманил его к себе. На завтра, получив внушение, не побежал вдогонку за курами, хотя соблазн был весьма велик. Еще на следующий день прошел целый квартал у левой ноги хозяина по команде «Рядом!» без окрика и принуждения, поводком.

Хожение рядом применялось при каждом удобном случае. «Рядом» – трудный прием. Он требует от животного большой дисциплины, послушания, а от дрессировщика – выдержки и настойчивости.

Как происходит приучение к приему «рядом»?

Подана команда «Рядом». Прицепив Джери на поводок и держа конец поводка в левой руке, я медленно иду, придерживая пса у левой ноги. Через некоторое время поводок незаметно ослаблен. Джери немедленно забылся – игривой молодой собаке трудно сдерживать себя – и потянул вперед. В ту же секунду замедляю шаг, чтобы расстояние между нами сразу увеличилось (это заставит собаку сильнее почувствовать свою ошибку), и, командуя «рядом», резко дергаю поводок к себе. Джери сразу останавливается, виновато оглядывается на меня. Заняв

прежнее положение слева от хозяина (всегда слева!), он некоторое время старательно бежит рядом, заглядывая в лицо. И в виде поощрения за свое послушание получает лакомство.

Но вот на дороге попало что-то интересное. Пес задержался, отстал и внимательно обнюхивает какой-то кустик. Тотчас ускоряю шаг (чтобы опять дать собаке сильнее почувствовать свою ошибку) и снова с окриком «рядом» делаю резкий рывок поводком. Джери с виноватым видом занимает полагающееся место.

Так он постепенно привык к команде «Рядом». Вскоре на прогулке поводок отцеплялся, и уже достаточно было одного приказания, чтобы собака послушно бежала у левой ноги.

Давно минуло то время, когда я тщетно старался приучить Джери к чистоплотности. К полугоду он стал безупречен. Сергей Александрович оказался прав: щенок действительно не мог, пока не развился и не окреп физически, выполнить то, что от него требовали.

Зимой моего воспитанника стали донимать морозы. Дог не имеет пушистой шубы; шерсть его коротка, хотя так густа, что в некоторых местах, например на шее, почти невозможно добраться до тела. У щенка же шуба была совсем жидкой, да к тому же недоставало жирового покрова. Небольшие морозы Джери еще терпел, но в суровые декабрьские дни для него началось настоящее мучение. Щенок горбился, стараясь сжаться в комочек, и, придерживая то одну, то другую лапу на весу, торопливо отрывал их от земли. Лапы, надо полагать, начинало ломить, щенок опрометью бежал домой и там, лежа в своем уголке, еще долго повизгивал, осторожно полизывая окоченевшие конечности.

Весьма возможно, что я пошел бы по линии наименьшего сопротивления и оставил бы Джери в покое, предоставив ему возможность отлеживаться в морозы дома, как это, к сожалению, часто делают недальновидные и мягкосердечные любители, если бы не вмешательство Сергея Александровича. Узнав о моих сомнениях, он, со свойственной ему страстностью, подверг меня уничтожающей критике.

– Да если собака лежит на диване, то грош ей цена! Это уже не служебная, а комнатная собака, собака для декорации! – ораторствовал он, как будто перед ним находился не один я, а целая аудитория. – Кого вы хотите сделать из своего Джери? Игрушку? Забаву? Диванные собачки нам не нужны. Нам нужны служебные. И вы, кажется, хотели этого же. А что такое служебная собака? Это – сильное, выносливое животное, с быстрой реакцией на окружающее, превосходно отдрессированное, готовое по малейшему знаку, хоть в дождь, хоть в вьюгу, выполнить ваше приказание. А вы говорите, «зябнет»... Тренировать надо!

И, повинувшись Сергею Александровичу, я не церемонился и гулял с Джери при всякой погоде, желая вырастить действительно выносливую, крепкую собаку. Следил лишь за тем, чтобы в сильные холода мой питомец не топтался на месте, не жался ко мне, как поступают изнеженные собаки, и постоянно задавал ему работу – посылал за «апортом», вызывал на игру. Движение согревало щенка, организм постепенно приспособлялся к низкой температуре. И в дальнейшем, когда щенок вырос и превратился в грозного пса, он свободно стал переносить тридцатиградусные морозы.

НЕМНОГО ФИЛОСОФИИ ПО ПОВОДУ ЗАНЯТИЯ СОБАКОВОДСТВОМ

Правду сказал Сергей Александрович, заявив, что собаководство – интересное занятие, интересное и полезное, особенно для молодежи. И теперь, вспоминая занятия с Джери, я всегда испытываю радостное волнение.

Вероятно, тот, кто сам никогда не держал собак, усомнится в правдивости моих слов и недоверчиво пожмет плечами. Но я не буду убеждать такого скептика. Попробуйте сами – увидите.

Увлечение собаководством уже спустя каких-нибудь полгода успело дать мне многое, хотя как собаковод я еще был очень молод и мои познания в этой области не могли идти ни в какое сравнение с осведомленностью и опытом таких знатоков, какими были многие старые члены нашего клуба и сам Сергей Александрович. Собаководство обогатило меня сведениями из биологии, заставило совершенно другими глазами взглянуть на мир четвероногих существ, окружающих нас, а самое главное – оно дало мне Джери, моего верного друга.

Джери по праву стал членом нашей семьи. Однако – вот хитрец! – хотя и кормила его мать, но повиновался он только мне.

Бывало, мать выпустит его во двор и потом не может докричаться: зовет-зовет – хоть бы что! Джери бродит по двору, обнюхивает все углы, косит на нее глазом, а сам и ухом не ведет, будто все это не имеет к нему никакого отношения. Потеряв терпение, раздосадованная вконец мать прибегает ко мне: «Зови Джерку! Все горло сорвала, не слушается!» Выхожу на крыльцо и говорю спокойным голосом: «Джери, домой!» – и Джери, как будто того и ждал, с самым невинным видом и с полной готовностью трусит к дверям.

Мать называла это издевательством и негодовала страшно. Я же был счастлив.

Если Джери считал, что ему необязательно сейчас повиноваться, то уж никакая сила не могла сдвинуть его с места, и в этом сказывалась одна из черт его породы.

Дворняжка покорна всегда. Всю свою жизнь она вынуждена вести отчаянную борьбу за существование, голодать, скитаться по помойкам, и это отразилось на ее характере: только не обижайте ее и она счастлива. Дворняжка не выносит человеческого взгляда; поймав его на себе, она вся сжимается, юлит и делается пришибленной, точно в чем-то провинилась. Джери мог встретить ваш взгляд в упор, не мигая. Бездомная дворняжка, если смотреть ей в глаза, не бросится никогда; породистая злобная собака именно в этом случае может скорее наброситься на вас.

Но нужно уметь разбираться и в настроениях собаки. Для всех посторонних в глазах Джери было только одно выражение – злобности, угрозы. Я же читал в них и другие чувства: любовь, преданность, безграничное обожание. Они были очень выразительны, эти голубовато-блеклые, светлые глаза с глубокими черными точками зрачков. По выражению глаз я мог безошибочно определить, какие чувства владеют сейчас Джери; я знал: весел он или печален, настроен игриво или готов с оглушающим грозным рыком ринуться на кого-либо, и в зависимости от этого мог вовремя остановить, направить его действия по своему желанию.

Замечу, что это понимание чувств было взаимным, и если я был внимателен к Джери, то и он платил мне тем же. Хозяин чем-то расстроен, сам не заметил, как испустил тяжелый вздох, – а пес уже «понял», прижал уши и пошел в свой угол, точно пришибленный. Долгое время меня чрезвычайно поражало, насколько точно определял Джери малейшие нюансы моего состояния.

Теперь я мог различить, когда поступками собаки руководит инстинкт, полученный от предков, а когда – условный рефлекс, приобретенный им при жизни, нередко при прямом моем

воздействии. Понимая это, мне легче было дрессировать, легче использовать собаку, прививая ей нужные качества.

Мне стало близким имя академика И. П. Павлова, любившего и понимавшего животных и прежде всего – собаку.

Для неискушенного человека все собаки одинаковы, все «на одно лицо». Он различает их только по росту и цвету. В действительности у животных есть тоже свой «характер».

Павлов подразделил всех собак, в соответствии с особенностями проявления высшей нервной деятельности, на четыре типа (подобно тому, как делят и людей): 1) слабый тип (меланхолики); 2) уравновешенный, подвижной тип (сангвиники); 3) возбудимый, безудержный тип (холерики); 4) инертный, малоподвижный тип (флегматики). Замечено, что той или иной породе присущи те или иные наиболее характерные для нее черты поведения; доберман-пинчер – чрезвычайно возбудим, настоящий холерик, дог – более уравновешен. Однако внутри породы могут встретиться все четыре типа.

Самый желанный тип в собаководстве – собака-сангвиник. Она хорошо дрессируется, послушна и в то же время в меру возбудима, злобна, но уравновешенна – зря не бросится. К такому типу принадлежал мой Джери.

Интересно заметить, что «характер» собаки вырабатывается воспитанием и в какой-то степени зависит от характера хозяина. В доме, где все веселы, общительны, бодры и ровны в обращении, и животные скорее будут послушными и резвыми, с нормальными проявлениями всех инстинктов. И это вполне закономерно, ибо ни одно животное не находится в такой тесной близости к человеку, как собака, и совершенно естественно, что эта близость оказывает на нее постоянное и действенное влияние.

Все собаки по характеру их использования подразделяются на три основных группы: служебные, охотничьи и комнатные (или декоративные). К последним относятся все мелкие породы: болонки, левретки, шпицы, мопсы, японские собачки и прочие, вплоть до карликовых, способных свободно поместиться в пивном бокале. Служебные собаки, в основном, крупные, мощные, обладающие большой силой и выносливостью: это овчарки, лайки, доберман-пинчеры, эрдельтерьеры, доги, боксеры, ротвейлеры и другие. Охотничьи – сеттеры, pointerы, борзые, гончие, таксы, фокстерьеры, а также лайки, которые являются универсальными собаками, пригодными как для служебного, так и для охотничьего использования (и в этом их особая ценность, не говоря уже о неприхотливости и способности приспосабливаться к любым условиям)⁴.

---

⁴ Здесь упомянуты лишь наиболее распространенные породы. Вообще же их сотни

БУДНИ «СОБАЧЬЕГО» КЛУБА

Сколько разговоров, когда в клубе соберется несколько «собачников»! Пойдут нескончаемые «собачьи» истории, один вспомнит одно, другой – другое... А собрание собаководов? Надо видеть азарт, с каким обсуждается судьба какого-нибудь щенка или собаки, приметы породы (пятно не там!)... На взгляд неискушенных – смешно и непонятно. Фанатизм! И это очень хорошо. Именно собаководческий фанатизм всегда питал любителей, заражая энергией всех, кто хоть в какой-то степени прикоснулся к собаководству; и это, повторяю, очень, очень хорошо. Ведь без страсти не создашь ничего достойного внимания.

В клубе вы можете и приятно провести время за интересной беседой, и многому научиться. Тут вы узнаете немало такого, чего не найдете ни в одном учебнике. Как выбрать лучшего щенка из «гнезда»? Вопрос, который волнует всех начинающих любителей. Обычно предпочитают самого крупного и толстого. А вот один старый охотник, владелец превосходных лаек, сказал мне, что надо брать самого резвого, хотя бы он даже уступал в размерах другим. Его темперамент – порука, что он не отстанет от них.

Услышите вы здесь и ответ на такой вопрос: почему собака кружится, прежде чем лечь? Да потому, что миллионы лет назад ее предки жили на воле, и собака, ложась, приминала высокую траву, устраивая себе логово. Уже давно-давно собака не живет в лесу или степи, но остался атавизм – унаследованная от родичей инстинктивная привычка делать то, что когда-то делали предки, хотя нужда в этом отпала.

А как правильно дозировать выдачу пищи собаке? В условиях питомника пища обычно нормируется по весу. Ну, а любитель – не будет же он каждый раз взвешивать пищу. Для этого есть общее правило: худеет собака – значит, ей не хватает питательных веществ; если жиреет – перекармливаете ее.

Я знал теперь, что собаку может тошнить по утрам не оттого, что она заболела, а по той простой причине, что накануне ей дали слишком много костей. Вот говорят, что нельзя кормить сырым мясом – будет злой. Нельзя давать куриные и вообще птичьи кости – будет драть птицу... Это неверно! Сырое мясо может принести только пользу... В меру данное – но обязательно свежее и хорошего качества, – оно отлично усваивается организмом и возбуждает аппетит. А про куриные кости можно сказать то же, что уже говорилось о рыбных и рыбе вообще.

Другие наставляют: пусть всегда лежит кусочек серы в воде – от чумы. Давайте истолченную серу в пищу – тоже от чумы. А старый любитель, опыту которого доверяли все члены клуба, заявил мне: от чумы есть только одно действительно надежное средство – общее хорошее состояние и упитанность собаки. Кстати, это лучшее средство вообще от всех болезней.

В клубе люди самых разнообразных профессий, возраста и интересов охотно делились своим опытом, взаимно обогащая знаниями друг друга. И это вносило в атмосферу клуба особое ощущение дружественности, спаянности, дух коллективизма. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь из коллег отказал мне в совете или помощи, когда я нуждался в этом.

Много полезных советов и сведений я узнал в клубе.

Прием посетителей и консультацию по возникающим у любителей вопросам вел здесь либо Сергей Александрович, либо инструктор Шестаков, веселый плечистый человек, смелый и ловкий в обращении с собаками.

Сергея Александровича знал в городе каждый собаковод. Про него рассказывали удивительные вещи. Говорили, например, что однажды он на пари вошел в клетки к тридцати злобным собакам, отдрессированным, или, как говорят собаководы, отработанным по караульной службе и совершенно не знавшим его; только три не пустили его, остальные спасовали. Пари заключалось в следующем: Сергей Александрович утверждал, что дрессировка недостаточна

хороша, и, войдя в клетки к собакам, доказал тем самым свою правоту. В другой раз он поймал овчарку, бегавшую по улице с обрывком веревки на шее, от которой панически разбегались все прохожие, и доставил ее владельцу. Самое удивительное, что за всю свою собаководческую практику он не имел ни одной царапины, ни одного укуса от собак. Когда ему говорили об этом, он отвечал, пожимая плечами:

– Я не вижу в этом ничего особенного. Каждый собаковод должен уметь сделать то же самое. Да вон – возьмите Григория Сергеича, – кивал он в сторону Шестакова, – он еще не то делал. Просто надо знать психологию животного...

В клуб приходит много людей. Один хочет приобрести породистого щенка и вступить в члены; у другого потерялась взрослая собака; у третьего не ладится с соседями: Джальма ведет себя беспокойно, много лает, пугает. Соседи жалуются в домоуправление, требуют чуть ли не вмешательства милиции.

Его успокаивают: владелец служебной собаки не обязан спрашивать согласия жильцов, чтобы держать ее на своей жилой площади (я подчеркиваю: на своей); она состоит под охраной закона. Но одновременно следует и внушение ему: надо содержать собаку так, чтобы она причиняла как можно меньше беспокойства другим и, уж конечно, не набрасывалась на людей и не кусала их.

Кого здесь только нет! Здесь можно встретить и артиста, и инженера, и рабочего.

Приходят сюда и пионеры. О, это самые азартные «болельщики» собаководства. И если уж кто начал заниматься собаками в этом возрасте – не бросит до седых волос!

Еще не всякий понимал важности работы, осуществляемой клубом, но, живая, интересная, она невольно увлекала, затягивала.

Словом, это было место постоянного и полезного общения, действительно клуб, каким он и должен быть. Меня постоянно тянуло туда. И сейчас, когда уже прошло столько лет, я всегда с удовольствием вспоминаю эту славную пору своей молодости, клуб, товарищей. Впрочем, вспоминать молодость всегда приятно и немного грустно...

НА «ТИХОМ» ДЕЛЕ

Не надо думать, однако, что клуб, который с некоторых пор стал занимать все большее место в моей жизни, отнимая почти весь досуг, ограничивался лишь тем, что помогал воспитывать собак для индивидуального пользования. Нет, у клуба были еще и обширные хозяйственные обязательства. Сергей Александрович был верен себе: стараясь удовлетворить личные потребности каждого члена клуба, он всегда помнил и о государственном интересе.

– Мое глубочайшее! – приветствовал он всякого приходящего к нему, усаживал, подолгу беседовал, выпрашивая, чего тот хочет, а затем обязательно выяснял, не примет ли новичок участия в каких-либо практических мероприятиях клуба.

Сергей Александрович завел даже специальную анкету, в которой был такой вопрос: чем ты помог осоавиахимовской организации?

Под статью себе Сергей Александрович подобрал и весь штатный аппарат клуба, который был не очень велик, но деятелен.

Я уже упоминал инструктора Григория Сергеевича Шестакова. Этот веселый, общительный и находчивый человек был любимцем всех «собачников». Он был в дружбе с охотниками-лаечниками; даже ловцы бродячих собак и те отлично знали Шестакова, и не было случая, чтобы, отправившись спасать какую-либо очередную жертву уличных собаколовов, Григорий Сергеевич не добивался успеха.

Собаками Шестаков начал заниматься еще с детства и каждую из них считал почти своей, то есть, по крайней мере, обращался с ними так, как будто все они должны знать и любить его, а уж попытаться укусить – да ни-ни, упаси боже!

У Шестакова были жена и сынишка лет пяти; он и их приучил возиться с собаками, и дома у него всегда была настоящая псарня: две, три, а то и полдесятка собак, преимущественно лаек, которых ему привозили разные знакомые и незнакомые люди, приехавшие с Севера. Через его руки прошел и знаменитый Грозный, ставший впоследствии чемпионом СССР, одна из лучших лаек, какую мне довелось видеть.

Про Шестакова можно сказать, что это был настоящий практик собаководства. И если Сергея Александровича больше всего привлекала «поэзия собаководства», то для Шестакова главным было другое – практическая польза, которую приносила собака.

Чрезвычайно колоритной личностью был каюр⁵ Спиридон Ерофеевич Марков, управляющий клубной собачьей упряжкой.

Представьте себе человека ростом с тринадцатилетнего подростка, щуплого, с рябым, изрытым оспой лицом, с худыми жилистыми руками и тонкими, как у девочки, голоском. Короткие узкие брючки едва достигают лодыжек, на голове драная шапка или засаленная смятая кепчонка, ворот косоворотки всегда расстегнут, а пальцы желтые от вечного курения «козьей ножки» – вот вам каюр Марков, к которому я и по сей день сохраняю самое нежное чувство за его ласковое обхождение с собаками и открытую душу.

Марков был хром (в детстве лошадь отдала ногу), но, несмотря на свою увечность, очень ловко вскакивал на санки на полном ходу упряжки (хотя собаки в скорости бега могут вполне соперничать с лошадью) и вообще отличался большой подвижностью.

Мое первое знакомство с Марковым произошло, когда он привез на собачьей упряжке ко мне на квартиру продукты для Джери. Он копался над санями, отвязывая поклажу, спиной ко мне, и я принял его в первый момент за одного из активистов-пионеров, которые часто помогали взрослым. Меня поразила его щедушность; оказалось, однако, как читатель убедится в этом позднее, он в полной мере обладал и выносливостью и мужеством.

---

⁵ Каюр – погонщик собачьей упряжки, «собачий кучер», как в шутку говаривали у нас в клубе

Марков был холост, не имел близких родственников, и поэтому все интересы его сосредоточивались вокруг клуба. С Шестаковым его связывала давняя дружба, что, однако, не спасло маленького каюра от бесконечных нападок инструктора, избравшего приятеля мишенью для своих острот.

Марков и Шестаков – главные помощники Сергея Александровича. Кроме них, были вожатые собак, коновозчики, рабочие питомника, повара, бойцы охраны. Характерным для всех них было понимание «души» животного и любовь к своему делу.

– Дело наше тихое, – говорили они, – а польза есть.

Слово «тихое» они употребляли в смысле «незаметное», ибо буквально тихим его никак нельзя было назвать: громогласный собачий лай и рычание постоянно слышались с территории клуба.

Сергей Александрович добивался, чтобы собака сделалась нужной в самых разных сферах жизни. По его идее начали развозить на упряжках с клубного склада продукты для любительских собак.

«Собачий транспорт» стали охотно арендовать торговые предприятия и в связи с этим в центральной прессе появилась даже пространная статья об успешном использовании собачьих упряжек в условиях большого города. Зимой Марков и его напарник ездили на санях, летом – на легкой тележке с пневматическими шинами, вроде велосипедных.

Сергей Александрович был поистине неистощим на всякие новшества с использованием собак. Так, по его предложению, собаки были испробованы на охране одного из центральных парков города, где хулиганы постоянно портили деревья и цветы. Дрессировка животных была очень простой: на идущего по дорожке человека они не обращали внимания, но стоило протянуть руку к цветку или попытаться ступить на газон – они тотчас же показывали свои зубы. Не кусали, а именно только показывали зубы, но этого было вполне достаточно: с появлением четвероногих сторожей хулиганство прекратилось.

Много шума вызвал случай на пруду, где был учрежден пост спасения на воде с постоянным дежурством собаки-водолаза.

Группа детей вздумала покататься на лодке. Как всегда, нашлись озорники, которые стали раскачивать лодку. Она опрокинулась, ребята с писком и визгом, как горох, посыпались в воду. Четвероногий ныряльщик, дежуривший на станции, без промедления устремился на помощь, рассекая поверхность пруда, как маленький быстроходный катер. Одна из девочек уже погрузилась с головой. Он схватил ее за платье и так, не выпуская из зубов, доплыл до берега. Пока спасали других, он успел прибуксировать к берегу еще одного утопающего;

«Тихое» дело приносило пользу.

По мере возрастания обязанностей росло и хозяйство клуба. Пришлось построить свой небольшой питомничек около центрального рынка, где жили собаки, еще не прошедшие обучения и не сданные по договору в аренду какому-либо предприятию. Там же размещались и все ездовые собаки, ходившие в упряжках.

Безраздельным хозяином в питомнике был Марков. Он жил тут же, в небольшой хибарке, вместе со стариком поваром, готовившим пищу для клубных животных. Здесь хранился и весь инвентарь: тележки, сани, упряжь, бачки, намордники, цепи.

Но собаки-дежурные у водоемов и в городских парках, развозка продуктов и прочее, чем по праву уже мог гордиться наш клуб, – все это было далеко не главное из того, к чему стремился Сергей Александрович, что он вынашивал давно. Наибольшее значение он придавал караульной службе. Он считал, что для настоящего времени наибольшую помощь могла принести именно караульная служба собак, и с обычной своей изобретательностью и энергией стремился везде, где можно, ввести ее.

ЖИВОЙ ЗАМОК. СЛУЧАЙ В КОМИССИОННОМ МАГАЗИНЕ

Сейчас, когда пишутся эти строки, стало обычным, что промышленные предприятия охраняются собаками; а было время, когда приходилось убеждать использовать собаку для охраны, доказывать, что собака может сделать это даже лучше человека.

Собака не проспит, для нее не существенно – день или ночь. Ей не нужно оружие: у нее есть клыки, которые устрашат всякого.

Наш клуб дал объявление в газетах об использовании собак для охраны, разослал письма предприятиям; систематически проводил публичные лекции о применении собаки в народном хозяйстве. Это, наконец, дало свои результаты. Целесообразность и выгодность вахтерской охраны с собаками скоро учли все заинтересованные в ней, и в клуб посыпался дождь заявок.

Сергей Александрович разрывался теперь между клубом, где постоянно требовалось его присутствие, и объектами, охраняемыми собаками, принадлежащими клубу. Он еще больше загорел, похудел, но ни разу не пожаловался на усталость. Энергии в нем, казалось, прибывало по мере того, как прибавлялось хлопот и забот.

– Великолепно! – громогласно возгласил он, потрясая только что полученным письмом. – Уралмашстрой желает иметь караульных собачек! Дадим! А это что? Камская нефтебаза просит прислать опытного инструктора по служебному собаководству. Обязательно пришлем!

И он, с довольным видом потирая руки, принимался мерять комнату широкими шагами, мысленно уже прикидывая, кого послать туда, кого – сюда, куда поехать самому, сколько животных и какое оборудование потребуется для организации нового дела.

Из разных районов города в клуб поступали вести о работе сторожевых собак. Так, двое неизвестных выломали забор, которым была обнесена заводская территория, и хотели совершить кражу, а вместо этого попали на зубы овчаркам.

Интересный эпизод произошёл на городском рынке. Вор забрался в павильон с промышленными товарами. Там оказался сторож – собака. Преступнику удалось каким-то чудом уйти, оставив на месте происшествия... свой пиджак, который и явился уликой, подтверждающей случившееся.

Мне вспоминается случай в комиссионном магазине.

Магазин находился как раз на полпути между моей квартирой и клубом, и нередко, направляясь к Сергею Александровичу, я заглядывал туда. Увлекаясь фотографией, надеялся найти там что-нибудь интересующее меня по этой части.

Заведовал магазином толстый юркий мужчина. Я видел его раза два или три, и, хотя он был весьма обходителен с покупателями, во мне он вызывал неприязнь.

Не у одного меня он возбуждал такое чувство, примерно то же испытывал к нему и вожатый Хусаинов, долговязый, жилистый татарин, обслуживавший собак, охранявших комиссионный магазин. Хусаинов считался одним из лучших бойцов-вожатых.

– Очень мне директор не нравится, товарищ начальник, – жаловался он как-то в моем присутствии Сергею Александровичу.

– Почему?

– Очень собак боится. Не любит их. Как увидит, так даже затрясется весь. Кричит мне: «Давай уводи скорее, а то еще цапнут!»

– А что ж они его будут цапать?

– Я тоже говорю, а он не верит, боится. Совсем плохой человек, товарищ начальник. Верьте слову! Хусаинов зря не скажет.

– Ну уж так и плохой? – с улыбкой возражал Сергей Александрович. – Мало ли людей боится собак!

– Плохой, – убежденно повторял татарин и крутил головой.

Действительность вскоре подтвердила эту характеристику.

В тот вечер я отмечал свой день рождения. В числе приглашенных был и Сергей Александрович. Он засиделся дольше всех. Гости уже разошлись, а мы с ним все сидели и беседовали.

Неожиданно зазвонил телефон: Хусаинов спрашивал начальника клуба.

– В чем дело, Хусаинов? Слушаю, – сказал Сергей Александрович, беря трубку.

– Товарищ начальник, беда! – Хусаинов говорил так громко, что я отчетливо слышал весь разговор.

– Какая беда? Что случилось?

– Беда, Сергей Александрович! Пожалуйста, приезжай скорее! Прошу, приезжай!

– Да где ты? Что случилось? – завокнулся Сергей Александрович.

– Я в магазине. Сюда приезжай!

Больше просить не потребовалось. Пообещав приехать немедленно, Сергей Александрович стремительно, как всегда, поднялся со стула.

Я вызвался сопровождать его. Что произошло, мы еще не знали; ясно было одно – Хусаинов зря звонить не будет.

Час был поздний, трамваи уже не ходили, такси не нашлось, и мы почти всю дорогу бежали.

Около магазина мы застали нескольких человек. Оказалось, Хусаинов поднял тревогу по всем инстанциям: позвонил и в милицию. Оттуда прибыли раньше нас.

Вскрывали пломбы, которыми был опечатан магазин; из-за дверей глухо раздавался собачий лай. Ночь была довольно темная, а уличное освещение скудное, и приходилось пользоваться карманными фонариками. Хусаинов был несколько неточен, говоря Сергею Александровичу, что он в магазине; в действительности он звонил из небольшой пристройки, служившей (с тех пор как тут появились собаки) чем-то вроде караульного помещения, где дежурил вожатый, он же боец-вахтер.

Рычание мотора возвестило о прибытии огромной пожарной машины. Пожарники, не мешкая ни секунды, принялись разматывать шланг,

И они сюда? Зачем?.. Мы с Сергеем Александровичем терялись в догадках.

По звонку Хусаинова можно было подумать, что на магазин напала шайка грабителей. Оказалось, совсем не то, хотя без грабителя действительно обошлось.

Подкатила еще одна автомашинка – легковой «газик». Из нее вышли трое: директор магазина, одетый наспех, и двое сопровождавших его. Директор был явно напуган всем происходящим. Вероятно, он чувствовал себя уже арестованным, пойманным с поличным.

Пломбы сняли, Хусаинов скрылся в магазине. Через минуту он вернулся, ведя на толстых поводках двух рычащих овчарок.

– Скорей! Скорей! – кричал он, показывая головой, чтоб мы спешили в магазин. – Товарищ начальник! Там, в углу!..

Мы толпой ввалились в магазин. Включили электричество.

Вместе с другими я и Сергей Александрович тоже оказались в дальнем углу помещения, куда показывал Хусаинов.

Здесь пахло паленой материей. На прилавке чернело большое пятно – след выгоревшего парафина. С прилавка горящий парафин подтек под полку – начали тлеть куски мануфактуры, лежавшие там. Вот-вот вспыхнет большой огонь... Пожарные оказались как нельзя кстати. Они мгновенно уничтожили всякую возможность пожара.

– Что за черт, откуда здесь взялся парафин? – сказал один из присутствующих.

– Свеча, – лаконично ответил другой.

Все стало ясно: кто-то, уходя, оставил горящую свечу. Впрочем, нет, не все. Почему в магазине оказалась свеча, да еще зажженная, когда есть электрическое освещение? Кто сделал это? Для чего?

Взоры всех присутствующих невольно обратились на директора. Он был бледен, глаза его блуждали.

– Вы уходили последним из магазина?

– Да... то есть нет...

– Да или нет?

– Да...

– Как сюда попала свеча?

– Не знаю... мне это неизвестно... Хотя, простите, припоминаю. У нас испортилось электричество... почему-то не было тока... пришлось зажечь свечу... И как я мог ее забыть! – уже оживляясь, продолжал он. – Хорошо, что вы приехали за мной...

– Вы что, послали за монтером?

– Да, конечно!

Эти неосторожно слетевшие с языка слова оказались роковыми для директора. Он спохватился и замолчал, но было уже поздно.

– Стало быть, послали? Отлично. Сейчас мы это проверим.

Короткий телефонный разговор с дежурным по ремонту линий Горэлектросети убедил старшего следователя, что предчувствие не обмануло его. Никакого отключения тока не было, и никакой заявки на монтера из магазина не поступало. Директор сказал неправду. Для чего?

– Надо немедленно сделать учет, – коротко резюмировал старший следователь. – Магазин опечатать, никого не допускать.

Я думаю, читатель уже догадался, что пожар в магазине пытался устроить сам директор. Учет, а также дальнейшее следствие показали, что он совершил большую растрату, что-то тысяч около ста, если не больше. Покрыть ее он не мог, да и не собирался, вот и решил спрятать концы в воду, точнее – в огонь. Оставил зажженную свечу – все получится само собой: свеча сгорит – поди докажи потом, отчего начался пожар!

План был задуман тонко; и, наверно, все осуществилось бы, не прояви смекалки вожатый Хусаинов.

– Как ты сообразил? Почему поднял тревогу? – допытывались у Хусаинова.

– Собака выла. Очень выла. Ну, я и понял: беда. Пожар или еще что. Так и в милиции сказал. А они вызвали пожарников. Очень хитро хотел сделать. Жулик! Да не вышло. Хусаинов дело знает!

Общее восхищение вызвало поведение собак, запертых в магазине. Это одна из них, вероятно уловив запах горелого, начала выть и всполошила Хусаинова.

Историю в комиссионном магазине вспоминали еще долго. Большой восторг вызвал тот факт, что директор несколько месяцев назад сам обратился в клуб с просьбой заключить договор на охрану магазина собаками

– Сам и договор-то подписал, – смеялись в клубе – Знал бы – не подписывал!

ТРАНСПОРТ С КАВКАЗА

Развитие караульной службы вызвало большой спрос на собак. Но караульных собак в клубе не хватало. Этому не могли помочь даже самые решительные методы ускоренного разведения, ибо, пока щенок превратится во взрослое животное, сколько нужно ждать: год, полтора, два! А собаки требовались немедленно, сейчас.

Не могли помочь клубу и любители, поскольку любителей в нашем городе тогда было еще не так-то много. Да, конечно, и не все они имели собак, пригодных для охраны.

После небольшого совещания в клубе решили командировать Шестакова на Кавказ – за кавказскими овчарками. Караульная служба нуждалась в собаках выносливых, мощных. Такой и была кавказская овчарка, старая отечественная порода, служившая народам нашей страны еще тогда, когда многих государств Европы не было и в помине.

Заготовить собак – задача не хитрая, если имеешь дело с дворовыми шавками; это без особого труда делают уличные ловцы, поставляя живой материал для опытов в научно-исследовательские учреждения и вузы. И совсем по-иному выглядит это, если перед вами могучее, неукротимое животное с мощными клыками. Такое животное не дается легко в руки человеку. А если их еще несколько и все они готовы разорвать тебя?.. Для подобного предприятия требовался человек опытный и смелый. Сергей Александрович не смог поехать: дела удерживали его на Урале. Выбор пал на Шестакова. Списались с Осоавиахимами Грузии и Армении, снабдили Шестакова документами и письмами, дали ему крупную сумму денег, и он уехал.

Сначала все шло как нужно. Шестаков регулярно сообщал о себе: прибыл благополучно; встретили хорошо; начал закупать; закупил, выезжаю... И после этого молчание.

Проходили день за днем, а от Шестакова ничего! От успеха его поездки зависели дальнейшие планы клуба. Сергей Александрович уже заключил много договоров с предприятиями.

Прошла неделя, другая, третья – от Шестакова ни слуху ни дулу. Сергей Александрович начал не на шутку тревожиться: у Шестакова должны были давно кончиться деньги. И вообще, где он, что с ним?

– Да где он сгинул?! Не съели же его собаки! – говорил каюр Марков, сам не зная того, как он был недалеко от истины.

Все невольно начинали задавать вопрос: не попал ли наш посланец в какую-нибудь беду? Может быть, заболел? Но случись что-нибудь, мы узнали бы скорее. Куда же, в таком случае, он запропастился? Что с ним происходит? Ведь не иголка же, в самом деле, чтобы потеряться!

А происходило вот что.

Дела поначалу шли у Шестакова как нельзя лучше. Кавказские товарищи отнеслись к его миссии с полным пониманием, предоставили в его распоряжение машину, оказали всяческую поддержку.

Кавказ – старый центр собаководства. Хорошие собаки там в каждом колхозе, совхозе, в каждом горском селении.

В различных районах Армении и Грузии Шестакову удалось купить тридцать девять взрослых овчарок и двух трехмесячных щенков. Все это было не так уж сложно: животных приводили на сборный пункт сами чабаны, они же помогли погрузить собак в товарный вагон. Распростившись с гостеприимными хозяевами, Шестаков тронулся в обратный путь на Урал.

Он надеялся добраться до дому за пятнадцать-шестнадцать суток. Исходя из этого; ему был выдан и запас продовольствия для собак – кукурузная мука и мясо. Но все расчеты оказались спутанными: вагон двигался очень медленно, застревая чуть ли не на каждом полустанке. Это поставило Шестакова в весьма затруднительное положение.

Шестаков и сам был повинен в выпавших на его долю трудностях тем, что, как признавался потом он, «пожадничал», купил еще щенков и оставил денег на дорожные расходы меньше, чем предусматривалось сметой.

Чтобы не заморить собак, вынужденный растягивать средства и продукты, Шестаков стал экономить на собственном питании, следуя старой поговорке: хороший хозяин сам не съест, а скотине даст.

Надо представить его положение: сорок свирепых псов, ловящих каждое движение вожака и только ждущих момента, как бы наброситься на него, и он – один в этой движущейся псарне, запертый в вагоне, из которого и не выйдешь, пока не остановится поезд. Действительно, это требовало настоящего бесстрашия!

В вагоне имелись нары. Собаки сидели на нарах, под нарами – в три яруса. Вагон был небольшой, овчарки привязаны накоротке, на прочных позвякивающих цепях. В первые два-три дня они часто схватывались одна с другой, а разнимать их было трудно. «Пока разнимаешь двоих, – говорил после Шестаков, – сзади тебя хватают другие».

В течение первых же часов они порвали у него шинель, поранили пальцы, прокусили ладонь.

В вагоне была невероятная духота, вонь. Выводить собак на стоянках Шестаков не рисковал – это было слишком сложно: каждый раз отвязывать и привязывать, спускать на землю и снова поднимать, ежесекундно ожидая, что собаки набросятся на тебя. Да и не каждая подпустила бы к себе! Приходилось вагон по нескольку раз на день споласкивать горячей водой, за которой он бегал на каждой станции, и чистить, как чистят в зоопарках клетки у больших хищных зверей.

«Был сам уборщик и поломойка», – так деликатно отзывался он потом об этой стороне своего путешествия.

Ночами было холодно. Шестаков раздобыл железную печурку и затопил ее. Собаки тоже тянулись к теплу. Один крупный пес сильно подпалил себе хвост и бок и чуть не сгорел заживо. Из серого он сделался желтым.

– Эх ты, паленый, паленый! – говорил Шестаков, сидя перед огнем и поглядывая на овчарку, привязанную в метре от него.

В конце концов за собакой так и закрепилась кличка – Палён.

Бодрое расположение духа не оставляло инструктора почти всю дорогу. Он испытывал тревогу, лишь когда принимался подсчитывать свои быстро тающие ресурсы. Он сильно урезал порции животным. Теперь он кормил их лишь раз в сутки и помалу, но не помогало и это. Запасы провианта исчезали гораздо быстрее, чем колеса отсчитывали километры.

Другого все это привело бы в отчаяние. Но Шестаков принадлежал к тем истинно рожденным «собачникам», которые в любом деле с собаками видят что-то, безусловно полезное, необходимое, а трудности не смущали его. Какое дело обходится без трудностей!

На одной из станций Шестаков договорился с дежурным железнодорожником и военным комендантом, чтобы вагон на сутки отцепили от поезда. Вагон поставили в тупик, а Шестаков пошел на рынок, продал свой добротный суконный костюм, сшитый незадолго до поездки, и на вырученные деньги купил четыре пуда гороховой муки для собак и продуктов для себя. Это поддержало, но ненадолго.

На станции Агрыз операцию пришлось повторить. На этот раз он продал запасные брюки и гимнастерку. Два пуда муки-ячменки и четыре буханки хлеба позволили продержаться еще несколько дней.

Больше продавать было нечего, а сорок голодных псов следили за ним жадными глазами, наполняя вагон жалобными стенаниями. Эти собачьи стоны и вздохи разрывали ему душу.

Экономя каждую копейку, он не посылал домой ни писем, ни телеграмм. Вот чем объяснялось его упорное молчание!

На одной стоянке ему удалось уговорить дежурного телеграфиста, оказавшегося любителем собак, отстучать бесплатную «служебную» телеграмму. Он очень уповал на эту депешу, резонно полагая, что, узнав о его бедствиях, Сергей Александрович распорядится немедленно перевести ему денег на одну из промежуточных станций, но этот призыв о помощи почему-то не дошел до клуба (может, обманул железнодорожник, только сказал, что «отстучал»), и Шестаков не получил денег.

Почти на каждой остановке он ходил ругаться с дежурными и начальниками станций, требуя, чтобы его поскорей отправляли дальше.

– У меня же собаки, животные, живые существа, понимаете вы это или нет! – убеждал он. – Они же есть-пить хотят... А если сдохнут, кто отвечать будет?

Но что они могли сделать! Они сочувствовали ему, кое-кто угощал горячим чаем, колбасой и булками, другие отмахивались, как от надоедливой мухи. Много тут ездит разных, все хотят ехать быстро, кому-то же приходится уступать! По дорогам двигались грузы пятилетки-оборудование для фабрик и заводов, строительные материалы, ехали люди на стройки – их продвигали в первую очередь, а ему со своим рычащим товаром приходилось опять ждать.

Уже совсем на подступах к дому поезд попал в крушение. Это задержало на четверо суток. Как только прошли эти четверо суток! Казалось, они не кончатся никогда! Собаки уже не вздыхали и не подскуливали: жалобный лай, вой, визг раздавались по всему вагону, не затихая ни на минуту.

Еды для животных не оставалось больше ни крошки. Только щенков Шестаков подкармливал еще черствым хлебом.

Но уже близок был конец этого тяжелого пути.

То-то поднялось ликование, когда в клубе зазвонил телефон и Шестаков слегка изменившимся голосом сообщил, что «собачий транспорт с Кавказа прибыл». Обрадованный Сергей Александрович (он как раз в эти дни собирался предпринять розыски Шестакова) немедленно собрал всех свободных от работы вожатых и во главе своих людей поспешил на вокзал.

Когда собак выводили из вагона, их шатало и они были смиренные, как телята. Не в лучшем виде был и сам Шестаков. Он был невероятно худ, зарос густой бородой, и только живые серые глаза по-прежнему смотрели бодро, весело: у него всю усталость как рукой сняло, едва он завидел крыши и трубы родного города. Он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Еще бы: как ни трудно пришлось, но он сохранил всех, даже щенков! Собаки объели у него полы шинели, оторвали рукав, превратили в лоскутья рубашку. Последние четверо суток он почти не ел и поддерживал свои силы кипятком. Вообще натерпелся он немало. Путешествие продолжалось месяц. Зато многие уральские предприятия получили отличных сторожей.

НА СОБАКАХ ОТ УРАЛА ДО МОСКВЫ

Правительство объявило о выпуске денежно-вещевой лотереи Осоавиахима. Я не помню уж, какие были выигрыши, да и не в этом суть. Важно то, что все средства от лотереи должны были пойти на оборонные нужды.

Для, распространения билетов лотереи и пропаганды идей оборонного общества наш клуб решил провести тысячекилометровый агитпробег на собаках по маршруту Урал – Москва.

Сейчас что-то уже давно не слышно, чтобы устраивались такие пробеги, а в свое время это вызывало немалый интерес и бесспорно приносило серьезную пользу.

Командором пробега Сергей Александрович назначил Шестакова; каюром – ну кого же еще? – конечно, малютку мужичка Маркова.

На городском пруду был дан старт пробега. Провожать упряжку собралось много людей. О начале пробега заблаговременно сообщили в газетах и по радио, и стоило упряжке появиться на улице, как сейчас же образовывалась толпа, которая следовала за нею. Упряжка была празднично украшена, в построении вплетены алые ленты. На санях был укреплен фанерный щит с призывом: «Покупайте билет лотереи Осоавиахима!» И на другой стороне: «Осоавиахим – опора мирного труда и обороны СССР».

Сергей Александрович произнес краткую прочувствованную речь. Его громкий голос доносился до самых дальних слушателей. Кончив, он махнул рукой. Шестаков сел на нарты, Марков гикнул, и упряжка резво взяла с места. Некоторое время мы видели, как она мчалась по широкому простору пруда, взметая за собой снежную пыль; собаки шли мелкой рысью, в темп своему черно-пегому жожаку Бурану; затем упряжка скрылась. Народ стал расходиться. Медленно пошли прочь и мы.

Шестаков был аккуратен, и каждое утро, приходя в клуб, Сергей Александрович находил у себя на столе телеграмму, содержащую точные указания, какие пункты прошла упряжка.

Все шло хорошо, упряжка двигалась с заданной скоростью, строго по графику, пока не пришла телеграмма, всполошившая всех нас:

«Напали волки. Стаю разогнали взрывпакетами. Две собаки зарезаны, две ранены. Пробег продолжаем. Шестаков».

Приходилось ли вам ехать на легких санках-нартах, которые во весь опор мчат ездовые собаки? Смею вас уверить, это такая езда, от которой дух захватывает, особенно, если дорога укатана, а собаки выезжены и знают свое дело. Хорошая упряжка свободно пройдет за сутки сто километров. Почти с такой скоростью и двигались Шестаков и Марков, лишь время от времени давая непродолжительную передышку животным.

Сегодня ночевка в одном селении, завтра – в другом. Остался позади Урал с его лесистыми возвышенностями, начались равнины Татарии. Каждая, даже самая кратковременная остановка в населенном пункте собирала вокруг много народу. Речистый Шестаков коротенько рассказывал слушателям о цели пробега, призывая запастись билетами осоавиахимовской лотереи. Он так и говорил – «запастись», уверяя, что еще день, два, ну неделя – и не останется ни одного билета: раскупят все. Его агитация имела успех.

Маршрут был составлен таким образом, что упряжка двигалась в стороне от главных дорог, через пункты, зимой почти отрезанные от внешнего мира. Везде, где останавливались, разбрасывали листовки.

Погода благоприятствовала путешественникам. Первую неделю пути стояли ясные, солнечные дни с легким морозцем; ночи были светлые, снег хрустел и искрился, радужно переливаясь.

На перегоне собаки, набрав хорошую скорость, шли дружной стайкой, казалось без всякого усилия увлекая за собой нагруженные сани. Шкалик, приземистый аккуратный пес с крепко сбитым телом, любил иногда полениться и незаметно сбавлял ход, о чем свидетельствовали слегка провисающие постромки. Но он побаивался строгого вожака Бурана, и стоило тому только повернуть голову, как Шкалик немедленно принимался тянуть усерднее.

Однажды мне довелось увидеть роль вожака в упряжке.

Около клуба, во дворе, где обычно привязывались собаки, отдыхала упряжка, но без Бурана – Бурана Марков куда-то увел с собой. И вот, пользуясь тем, что старшего среди них нет, лайки начали ссору. Одна, как это часто бывает, лязгнула зубами на другую, та ответила тем же, одна проворчала: «Ррр», другая тоже: «Рррр», а через несколько секунд уже невозможно было разобрать, чей хвост, чьи лапы: в схватку ввязалась вся свора.

В эту минуту из-за угла показался Марков с Бураном. Вожак, мгновенно вырвавшись из рук каюра, ринулся в гущу свалки. Я решил – для того чтобы принять участие в общей потасовке. Но не прошло и минуты как драка прекратилась: Буран восстановил порядок.

Превосходно изучив повадки собак, Марков считал даже не всегда нужным разнимать ссорящихся или наказывать лентяев – Буран делал это за него.

Я хорошо помню Бурана, его смышленную, похожую на лисью, несколько хмурую мордочку с поблескивающими глазами. Сравнительно некрупный, он отличался большой силой и выносливостью. Его привезли с Севера. Не знаю, ходил ли он там в упряжке, но он сразу показал себя как хороший вожак.

Марков и Буран были главными героями этого пробега. Попробуй-ка посиди с утра до ночи на обжигающем морозном ветру, не спуская глаз с собак, подгоняя их в гору и тормозя на спусках, ловко соскакивая с нарт, чтобы не дать им опрокинуться; попробуй проехать так полторы тысячи километров – тогда узнаешь, что значит быть каюром, «собачьим кучером», как любовно называл приятеля Шестаков.

А Буран – он с полным напряжением сил бежал в голове упряжки, то прокладывая путь по свежему снегу, то сползая почти на брюхе по скользкому круглому спуску; время от времени он сдержанно рычал на своих товарок, чтобы и они работали во всю мочь. Право, поведение вожака ездовых собак порой представляется как вполне осмысленное, разумное.

Внезапно погода изменилась – резко похолодало. Началась какая-то изморозь, покрылись инеем и сани, и вся поклажа, и Шестаков с Марковым. Все вокруг заволочло туманом, и казалось, что сейчас во всем мире только они одни – собачья упряжка да два человека.

– Ты щеки чаще три, Спиридон, – говорил озабоченно Шестаков и, подхватив пригоршню снега, сам первый принимался натирать лицо, пока оно не становилось бурачного цвета. – Да три, говорят тебе! – сердился он, заметив белые пятна на скулах товарища. – Дай-ка я...

Повернув Маркова к себе, он бесцеремонно тер его физиономию.

На одном раскате нарты опрокинулись. Командор и каюр вылетели, а Марков еще несколько десятков метров тащился за упряжкой, которая остановилась не сразу.

Поломался щит с лозунгами, вывалилась поклажа. Пришлось все укладывать и прикреплять заново. Это сильно задержало упряжку. Но Шестаков не хотел нарушать графика. Посоветовавшись, друзья решили «затемнить» в пути, то есть ехать, пока не наступят потемки, а уж потом искать пристанища в какой-нибудь деревне.

Как нарочно, захромал Буран, поранив лапу острой льдинкой. На снегу отпечатывался кровавый след. Пришлось сбавить ход. А ночь уже приближалась. Начинало вьюжить. Дорогу перемело, и скоро друзья поняли, что сбились: упряжка шла прямо по снежной целине.

В полумраке они увидели, как из-за ближнего увала вдруг метнулись две похожие на собачьи тени.

Волки! Собаки сразу прибавили рыси, потом пошли вскачь. Волки не отставали.

– Догоняют, проклятые! – ругался Шестаков. – Ты следи за упряжкой, а я попробую их поугатать...

Марков кивнул головой.

Волки были уже недалеко. Их было пятеро. Они шли своим обычным бесшумным и стремительным нарыском, с каждой минутой сближаясь с упряжкой. В полутьме зелеными светлячками горели их глаза. Казалось, звери не бегут, а несутся по воздуху, – настолько легки и свободны были их движения.

Чувствуя хищников за своей спиной, собаки рвались вперед, напрягая все силы, дыша учащенно и хрипло, грозя оборвать постромки.

У Шестакова был пистолет. Вынув оружие, он сделал несколько выстрелов. Волки чуть поотстали, но потом начали опять нагонять. Они не хотели упускать добычу,

– Надо бы взрывпакетами, – сдавленным голосом обронил Марков не оборачиваясь. Все его внимание было устремлено на собак.

– Сейчас... – отозвался Шестаков.

Но он не успел привести свое намерение в исполнение.

На пути вдруг встали запорошенные снегом кусты, деревья. Оттуда наперерез упряжке выскочили еще два волка, задние догнали, и в тот же миг все смешалось в один рычащий клубок.

Собак было больше, но они были связаны друг с другом и крепкий потяг не пускал их. Кроме того, лайка меньше волка, хотя она и вступает смело в борьбу с ним. Волки нападали – собаки защищались. Им помогали люди. Марков колотил хищников остолом – короткой толстой палкой для торможения нарт, Шестаков стрелял из пистолета.

Наконец Шестакову удалось достать сумку с взрывпакетами. Несмотря на напряженность момента, он не стал бросать взрывпакеты в дерущихся животных, понимая, что могут пострадать собаки, а принялся один за другим швырять их в снег, неподалеку от себя. Этого оказалось достаточно. Резкие и оглушительные хлопки взрывов, никому не причинившие ни малейшего вреда, испугали хищников, и они пустились наутек.

Схватка прекратилась так же мгновенно, как и началась. Волки исчезли, оставив одного убитого. Рычание, вой, лязг челюстей стихли, с минуту в наступившей тишине слышалось лишь повизгивание собак и тяжелое дыхание людей, еще не успевших прийти в себя от такой неожиданной и опасной встречи.

Две собаки бились в конвульсиях, истекая кровью; остальные принялисьлизывать раны.

Отличился Шкалик: он не только отважно дрался, но даже кинулся преследовать серых, когда те обратились в бегство. Пронзительный свист Маркова вернул его назад.

– Куда! Али жить надоело? – крикнул каюр.

Сильно искусанным оказался Буран. Но, когда его снова впрягли в постромки, он сразу же потянул с привычной силой. Бедняга стал трехцветным: на бело-черной шерсти красовались бурые пятна йода, которым залили его раны.

Потеря двух собак не должна была помешать пробегу, хотя, конечно, собак было жаль. Хуже, что пострадал Буран: без вожака упряжка не упряжка. Словом, как ни храбрился Шестаков, но всем требовался отдых – и людям, и животным.

За перелеском замерцали огоньки деревни. Там и состоялся ночлег, а позже – суточный отдых, который скрепя сердце разрешил Шестаков.

В деревне, кстати, нашелся и ветеринарный фельдшер, который осмотрел всех собак, оказав четвероногим участникам пробега необходимую медицинскую помощь.

Эти сутки в деревне были заполнены непрерывными разговорами о собаках. Как-никак, а пробег на собаках колхозники видели впервые. На следующий день, в воскресенье, в избе, где ночевали Шестаков и Марков, пекли пироги. Буран удостоился особой чести: он был пущен в избу. Хозяйка дома протянула ему аппетитно пахнущий пирожок. Буран понюхал, затем отвернулся и выразительно посмотрел на каюра.

Марков важно объяснил (он любил мудреные слова и многословные обороты):

– Атмосфера комнатная не позволяет ему взять пирожок.

И верно: вышли во двор, снова дали пирог – Буран его взял.

Постоянный житель улицы, к тому же выросший на Севере, он чувствовал себя куда увереннее под открытым небом.

Дальше пробег продолжался без особых происшествий. И вот настал день, когда впереди, в сизовой морозной мгле, замаячили строения Москвы. В столицу наши товарищи прибыли как раз в канун того дня, когда должен был начаться тираж выигршей лотереи.

Москвичи, радушно приветствовали участников пробега. Около заставы их встретили представители Центрального комитета Осоавиахима и работники Московского клуба служебного собаководства. После кратких приветствий упряжка проследовала через центр Москвы, она проехала по улице Горького мимо Моссовета.

Тащить сани по асфальту было тяжело, и Шестаков сошел с них и шагал рядом с одной стороны, Марков – с другой. Собаки трусили, прижав уши и не обращая никакого внимания на пронесившиеся автомобили и трамваи. Прохожие, спешившие на работу в этот утренний час, останавливались и с улыбкой смотрели на собак.

В тот же день собаки, измерившие своими лапами расстояние от Урала до Москвы, были помещены в карантин питомника Осоавиахима, а домой, на Урал, полетела телеграмма-рапорт:

«Сегодня в шесть часов утра упряжка благополучно достигла столицы нашей Родины Москвы. Все здоровы, самочувствие бодрое. Шлем привет и поздравление с благополучным окончанием пробега.

Командир пробега Шестаков, каюр Марков».

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ШКОЛЬНИКИ. ОШИБКА, ЕДВА НЕ СТАВШАЯ РОКОВОЙ

С весны я начал заниматься с Джери на дрессировочной площадке. К этому времени ему исполнилось восемь месяцев, то есть он достиг возраста, когда начинается регулярное обучение собаки.

Джери вырос долговязым, костлявым псом, более похожим на жеребенка, чем на собаку. Но ум, светившийся в глазах, блестящая шерсть и важная, полная достоинства поступь уже говорили о породе.

Площадка была оборудована в одном из центральных парков города, в дальнем тихом углу его.

Здесь был поставлен разборный барьер, устроена учебная лестница со ступеньками различной формы и частоты и крохотным «пяточком» наверху, на котором собака могла передохнуть после трудного подъема.

Недрачливый и спокойный по природе, Джери быстро освоился с площадкой, с шумом и гамом многочисленного беспокойного сборища и прекрасно вел себя даже на групповых занятиях, когда люди и собаки выстраиваются в общую шеренгу и согласованно выполняют команды инструктора-дрессировщика.

Занятиями руководил Шестаков, часто на них бывал и Сергей Александрович. «Собачью школу», как прозвали нас зеваки, всегда задерживавшиеся, чтобы поглазеть на занятное зрелище, регулярно посещали тридцать – сорок человек со своими хвостатыми «учениками».

На площадке я начал дрессировать Джери на выдержку. Посадив дога, я отходил на расстояние десяти – пятнадцати шагов и командовал: «Лежать!», «Голос!» Пес послушно исполнял. Раз от раза расстояние увеличивалось. Увеличивалась и продолжительность выдержки. Джери великолепно дрессировался на кусочек черного хлеба, в то время как другие собаки нередко отказывались работать даже на мясо. Виноваты были в этом сами владельцы, которые либо задергивали собаку, либо чрезмерно закармливали ее.

Быстрые успехи Джери вызвали удивление среди многих моих знакомых по площадке. Почему-то распространено мнение, что дог глупей овчарки, добермана, а потому и хуже поддается дрессировке. Джери мог служить живым опровержением этого ни на чем не основанного предрассудка. Просто дог более упрям, к тому же он очень велик, и с ним трудно справиться, если полагаться только на свою физическую силу. Нужно подчинить его своему влиянию. А это-то самое трудное. Я же теперь мог с гордостью отметить, что мои заботы не пропали зря. Джери понимал и слушался меня с полуслова. И наши занятия продвигались настолько успешно, что мой дог обогнал даже многих овчарок, начавших обучение раньше его.

Это не значило, разумеется, что Джери мог научиться чему угодно. Так, например, он не годился для работы по следу, то есть не мог сделаться ищейкой. Для службы розыска пригодны сравнительно немногие породы: восточноевропейская овчарка, доберман-пинчер, эрдельтерьер и некоторые другие. Они обладают таким удивительным чутьем, что могут найти нужный след по слабому запаху среди множества других запахов. Однако это отнюдь не значит, что другие собаки хуже их. Просто каждая порода имеет свои особенности. И каждая по-своему ценна и нужна, хотя одни, как, например, восточноевропейская овчарка, имеют большее применение, другие, как дог, меньшее.

Дрессировкой я постоянно занимался и дома. Стремился развить в Джери выдержку и безотказное исполнение приказа. Поставишь перед собой чашку с кормом и скажешь: «Фу!» – нельзя, значит. Пес сидит, как истукан. Глаза не отрываясь устремлены на чашку. Слюна в два ручья бежит из закрытой пасти. Я уйду в другую комнату. Все равно пес не

прикоснется к еде, пока не услышит долгожданной команды «Возьми» или «Кушай». Тогда с жадностью накинется он на пищу и не оторвется, пока не опустошит чашку до дна.

Как-то раз, посадив собаку перед кормом, я забыл о ней. Вдруг слышу из соседней комнаты голос матери: – Что с Джеркой? Почему он сегодня не ест?

Выскочил в прихожую. В углу нетронутая чашка с едой, перед ней лужа слюны. Джери обиженно укладывается спать на своей постели. Он ждал-ждал и решил, видимо, что пообедать ему сегодня не удастся, и с горя пошел спать.

Дрессировочная площадка находилась на берегу реки, и с наступлением теплых дней я начал приучать Джери к воде. Произошло это так. Кинув в воду палку недалеко от берега, скомандовал: «Апорт!»

Дог резво подбежал к кромке берега, осторожно вошел по грудь в воду, но дальше ни с места! Тщетны были все уговоры и понуждения. Не помог даже кусок хлеба, проплывший по течению у самого носа собаки. Дог из кожи лез, стараясь дотянуться до него, но плыть отказывался.

Тогда я сам отплыл на лодке на середину реки, ласково зовя Джери за собой. Но и это не помогло. Джери тревожно бегал по берегу, входил в воду, жалобно повизгивал, но, как только чувствовал впереди глубину, поспешно пятился назад.

Пришлось пойти на крайние меры. Прицепив к ошейнику собаки конец длинного прочного шнура, я снова отплыл на лодке от берега, держа другой конец шнура в руке. Командуя собаке и поощряя ее ласковой интонацией голоса, я вдруг стал быстро-быстро выбирать шнур на себя. Джери оказался в воде. Рванулся, хотел выскочить на сушу, но шнур не пустил его. Пес завизжал, заметался; я еще подтянул шнур – голова собаки ткнулась в воду, дог фыркнул и... всплыл. Всплыв, сейчас же повернулся затылком ко мне, намереваясь поскорее выбраться на берег, но я опять потянул к себе, и Джери, неловко шлепая по воде лапами, поплыл в мою сторону.

Конечно, был некоторый риск: пес мог сильно испугаться (поэтому этот способ рекомендуется не всегда). Но день был жаркий, бока собаки учащенно вздымались, язык, словно тряпка, свисал из пасти – а вода прохладна... и Джери скоро почувствовал, что купание вовсе не такое уж неприятное занятие.

Лиха беда начало! С каждым купанием страх уменьшался, а вскоре пропал совсем. К середине лета Джери уже любил воду, как утка. Забыты были времена, когда его приходилось втаскивать в воду на веревке. С утра до вечера пес мог с наслаждением плескаться в воде, отфыркиваясь и откашливаясь от попадавших в ноздри брызг. Его даже приходилось удерживать: он мог броситься в реку или озеро с высокого берега и погрузиться с головой, а некоторые старые собаководы говорили мне, что, если вода попадет в уши, собака может утонуть.

Здесь, на воде, я заметил еще одну особенность, которой наградила моего друга природа. Если в обычном состоянии концы лап у Джери были собраны в крепкие упругие комки, то в воде они распускались, пальцы напрягались, между ними натягивалась перепонка и вся лапа становилась похожей на утиную. И плавал Джери, по-утиному загребая воду.

Очень полюбил он приносить из воды «апорт».

Я швырял в реку, насколько позволяли мои силы, какой-нибудь предмет. Пес кидался за ним, мигом догонял плывшую по течению деревяшку и доставлял мне.

Иногда я оставлял собаку сидеть на берегу, а сам садился в лодку и принимался усердно работать веслами. Бедный Джери. вот где испытание для его выдержки! Он напряженным взглядом следит за моими действиями. В такой момент ему можно было наступить на хвост, и он, вероятно, не оглянулся бы. Вся его наружность выражает один мучительный вопрос: «А как же я? Хозяин уезжает, но почему же оставляют меня?»

С середины реки я командую: «Ко мне!» Пес только того и ждал. Теперь его не удержит никакая сила. Он молниеносно срывается с места, не разбирая, глубоко или мелко, в фонтанах

брызг обрушивается в реку и стремительно плывет ко мне. Вода вокруг него кипит ключом – так энергично работает Джери лапами. Затем волнение на воде успокаивается: теперь над зеркальной поверхностью видна только массивная голова дога с маленькими светлыми глазками да порой доносится его легкий всхрап. Я в это время поспешно гребу к противоположному берегу. Приплывали мы обычно вместе. Плавал Джери необыкновенно быстро – никакой пловец не угонится!

Всякий раз Джери бросался в воду с такой поспешностью, что иногда даже пугал меня.

Раз он, не разбирая высоты, прыгнул с двухметрового берега и «ухнул» в воду головой. Испугавшись за него, я чуть сам не бросился вслед за ним. Но пес мигом вынырнул, потряс головой, освобождаясь от воды, залившей в уши, и как ни в чем не бывало поплыл дальше.

Наши занятия по дрессировке не прекращались и на прогулках. Гуляя за городом, я заставлял Джери прыгать через все встречные препятствия: изгороди, канавы, кучи хвороста, поленницы дров. И это приносило заметную пользу. Он быстро мужал. Все мои приказания он выполнял с величайшей готовностью и охотой. Иногда это приводило к неожиданным результатам. Я заметил, например, что Джери прыгает через каменную ограду, когда рядом открыт вход; а однажды он перескочил через парапет набережной и едва не утонул в пруду. Вода попала в уши, и он долго потом тряс головой. После этого я стал осторожнее и не отдавал необдуманных приказаний, а своего ретивого друга удерживал от проявлений чрезмерного усердия.

Теперь мне думается, пора познакомить читателя с общими принципами дрессировки.

Еще совсем недавно научить собаку действовать по усмотрению хозяина – вставать, ложиться, «давать голос» – мне казалось чуть ли не волшебством. Я не представлял, как собака поймет меня. И вот оказалось, что никакого волшебства тут нет, все очень понятно и просто. Чтобы уяснить это, нужно хотя бы в общих чертах знать научную основу дрессировки, или учение о рефлексах.

Великий русский ученый-физиолог академик Иван Петрович Павлов в течение многих лет исследовал нервную деятельность животных, главным образом собак. Он создал стройное учение о рефлексах, на котором, между прочим, основана вся современная теория и практика дрессировки.

По учению Павлова, все проявления нервной деятельности животного делятся на два вида: безусловные, или врожденные, рефлексy и рефлексy условные, приобретенные. К безусловным рефлексам, или инстинктам, относятся: пищевой (когда у собаки желудок пуст, она сама стремится утолить свой голод, и этому ее не надо учить); оборонительный (если собаку ударить, она или отбежит, или сама бросится на обидчика, и здесь также не требуется никакого предварительного обучения); инстинкт родительский (животное любит своего детеныша, выхаживает, кормит его, пока он не достигнет определенного возраста) и другие.

Условные рефлексy – это уже более высокая ступень нервной деятельности. Условные рефлексy приобретаются в течение жизни; животное не рождается с ними.

Классическим примером может служить опыт со звонком. Если собаке давать пищу и одновременно звонить, то, в конце концов, она так привыкнет к звонку, что будет являться по одному только этому сигналу, не видя пищи. Вот это и будет условный рефлекс, рефлекс на звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.